УДК 81'23+81'42

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1.6

И.В. Тивьяева

Получена: 02.02.2018

Принята: 16.03.2018

Опубликована: 30.03.2018

Тульский государственный университет,
Тула, Российская Федерация

ЛЕКСИКА НЕМНЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПАМЯТИ

Статья посвящена изучению лексики, не имеющей системного значения памяти, но стабильно приобретающей значения, ассоциированные с памятью и ее процессами, под воздействием контекста. В качестве лексических сигналов мнемической деятельности традиционно рассматриваются глаголы памяти, при этом достаточно обширный пласт лексики остается вне фокуса внимания лингвистов. Цель настоящей статьи – изучить возможности вербального кодирования процессов индивидуальной памяти лексикой немнемической семантики в английском языке и оценить ее потенциал в статусе маркера мнемической деятельности.

С целью выявления и описания данной лексической группы в английском языке была собрана тематическая картотека объемом 7500 единиц, в которую вошли фрагменты публичной, массовой и компьютерно-опосредованной коммуникации, а также отрывки из произведений художественной и мемуарной литературы современных англоязычных авторов, репрезентирующие коммуникативное взаимодействие между участниками мнемической ситуации. Анализ фактических языковых данных позволил выделить четыре тематические группы лексем, выступающих в роли дополнительного рекуррентного средства вербального кодирования процессов памяти при наличии иных эксплицитных лексических маркеров: 1) тематическая группа ментальных процессов и состояний, 2) тематическая группа чувственного восприятия, 3) тематическая группа движения, 4) тематическая группа прошлого опыта.

В результате анализа конституентного состава указанных тематических групп и их функциональных возможностей в отношении манифестации процессов памяти автор приходит к выводу о значимости данного пласта в системе лексических средств вербального кодирования мнемической деятельности, так как, несмотря на отсутствие у рассматриваемых лексических единиц ядерного значения памяти, они потенциально способны не только передавать общие значения, связанные с манифестацией мнемического содержания, но и номинировать отдельные мнемические процессы и конкретизировать характер их протекания.

Ключевые слова: *память, семантика памяти, мнемический процесс, мнемическое высказывание, лексический маркер.*

I.V. Tivyaeva

Received: 02.02.2018

Accepted: 16.03.2018

Published: 30.03.2018

Tula State University,
Tula, Russian Federation

NON-MNEMONIC LEXIS AS A VERBALIZER OF MEMORY PROCESSES

The paper focuses on lexical units devoid of any systemic memory-associated meaning but developing one under certain contextual conditions. Mnemonic activity is generally believed to find its lexical representation in memory verbs, but this traditional view leaves significant layers of lexical units on the periphery of linguistic research. The aim of this paper is to study ways in which English lexical units of non-mnemonic semantics participate in verbal coding of individual memory and estimate their potential as regards lexical marking of mnemonic content.

In order to study and provide an adequate description of the said group of English lexical units, a topically coherent corpus counting 7,500 items was collected. The corpus included fragments of public, mass and computer-mediated communication as well as extracts from contemporary English fiction and memoirs representing interaction of communication partners in mnemonic situations. Analytical processing of the empirical data yielded four semantic groups of lexical units functioning as additional recurrent means engaged in verbal coding of mnemonic activity provided that the latter is explicitly marked by other lexical units of relevant semantics. The following groups were differentiated: 1) semantic group of mental processes and states; 2) semantic group of sensual perception; 3) semantic group of motion; 4) semantic group of past experience.

The results obtained in the course of analyzing the constituent structure of the said semantic groups and their functional potential as regards manifestation of memory processes brought the author to the conclusion about the significance of the said lexical layer in the system of lexical means serving as verbalizers of mnemonic activity. Despite the fact that units constituting the lexical layer under consideration are devoid of the systemic meaning of memory, they are potentially capable of both expressing general meanings associated with representation of mnemonic content and nominating certain mnemonic processes while providing additional processual characteristics.

Keywords: *memory, semantics of memory, mnemonic process, mnemonic utterance, lexical marker.*

Вопросы номинации и репрезентации памяти и ее процессов стабильно привлекают внимание лингвистов, работающих в русле различных подходов и с разным языковым материалом. Несмотря на многообразие мотивов обращения к соответствующему пласту лексики и разноплановость решаемых задач, большинство работ в этой области объединяет общий подход к выбору объекта исследовательского интереса – в фокусе внимания языковедов неизменно оказывались глаголы памяти как носители информации о характере процесса, его свойствах, скорости и длительности протекания, произвольности, завершенности, степени интенсивности и т.п. Различные аспекты представления мнемических процессов посредством глаголов рассматривались в трудах Ю.Д. Апресяна [1], Т.В. Булыгиной [2], Г.Ф. Гибатовой [3], М.А. Дмитриевской [4], В.В. Туровского [5], А.А. Зализняк [6], И.А. Куприевой [7], Ким Ен Ок [8], С.Р. Омельченко [9; 10], А.А. Павловой [11] и других лингвистов. Изучение семантических, морфологических и синтаксических характеристик мнемических глаголов позволило определить их количественный состав для разных языков, описать их парадигматические и синтагматические связи, выявить особенности функционирования и условия замещения глаголами других семантических групп.

Мнемические глаголы, однако, не единственные единицы языка, способные передавать значение памяти. На лексическом уровне эту функцию выполняют также прилагательные и фразеологизмы соответствующей семантики. Результаты многоаспектного анализа прилагательных со значением памяти представлены в работе Л.Н. Голайденко [12]. Фразеологические единицы, обозначающие психические процессы памяти, получили подробное описание в диссертационном исследовании Н.В. Скоромысловой [13], а также в работах Т.И. Скоробогатовой [14] и Е.Л. Кузьменко [15]. Применение когнитивно-ориентированных методов исследования позволило дать комплексное описание лексических, фразеологических и паремиологических единиц соответствующей семантики и выявить специфику их функционирования в различных языковых группах.

Между тем, принимая во внимание способность лексических единиц под воздействием контекстуальных условий передавать значения, не являющиеся для них системными, мы сочли целесообразным рассмотреть возможности вербального кодирования процессов индивидуальной памяти лексикой немнемической семантики и оценить ее потенциал в статусе маркера мнемической деятельности.

Для решения данной задачи была использована авторская картотека общим объемом 7500 коммуникативных контекстов, отобранных вручную методом сплошной выборки из англоязычных источников различных типов, в том числе из произведений художественной и мемуарной прозы, а также фрагментов публичной, массовой и компьютерно-опосредованной коммуникации. Вошедшие в картотеку фрагменты отличаются тематической когерентностью и представляют собой языковое воплощение «мнемической ситуации», под которой понимается «конкретная ситуация, в центре которой находятся мнемические процессы» [16, с. 86].

Анализ фактического материала позволил выявить значительное количество лексических единиц немнемической семантики, приобретающих значения, ассоциированные с памятью и ее процессами, включаясь в общий контекст высказывания. Состав указанной лексической группы не является однородным и включает следующие группы слов:

- 1) тематическая группа ментальных процессов и состояний,
- 2) тематическая группа чувственного восприятия,
- 3) тематическая группа движения,
- 4) тематическая группа прошлого опыта.

К тематической группе ментальных процессов и состояний мы относим две группы представленных в выборке лексических единиц, ассоциированных с понятием мышления:

- глаголы, обозначающие ментальные акты и состояния, в том числе глаголы мышления, понимания, знания (например, *to know, to think, to reflect*);
- существительные, номинирующие условный «мыслительный орган», контролирующий работу мышления (например, *brain, mind, head*).

Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Thinking about that, thinking about everything. What he did in the past. What he did to Andrea. Where he is now. Why me. <...> So I keep **thinking back** and trying to figure out if it was something that I did that caused all this (Sparks N. The Guardian. – URL: <http://englishtips.org/index.php?newsid=1150823668>).*

(2) *But more than the lack of comfort or food or even the reality of the war, what gripped my **heart** and crowded my **mind** were the blistering recollections of the last ten days, from the akcja on 22 November, during which the Nazis murdered three thousand of us, to our frantic search for a protector and our desperate good-byes to our families (Kramer C. Clara's War. One Girl's Story of Survival. – Ebook, 2009. – P. 77).*

Во фрагменте (1) глагол *“to think”*, относящийся к тематической группе ментальных процессов и состояний, служит контекстуальным маркером процесса извлечения информации из памяти. Развитию его модифицированного значения, связанного с обращением к мнемическому опыту, способствуют разноуровневые языковые средства. Контраст между ситуацией в настоящем и ситуацией в прошлом, к которой мысленно возвращается субъект, на лексическом уровне подчеркивается с помощью лексики *“past”*, относящейся к тематической группе опыта прошлого, которой противопоставляется темпоральный адverbial *“now”*, локализирующий когнитивную деятельность субъекта в настоящем. На морфологическом уровне граница между «сейчас» и «тогда» подчеркивается битемпоральной организацией фрагмента, предусматривающей употребление форм прошедшего времени для обозначения восстанавливаемых из памяти событий и форм настоящего времени для текущей ситуации. Троекратный повтор глагола *“to think”* также акцентирует внимание реципиента на том, что адресованное ему сообщение транслирует личный опыт субъекта мнемической ситуации, извлеченный из памяти и осмысленный с позиции настоящего.

Пример (2) иллюстрирует использование существительных с контекстуальным значением условного «органа памяти» (тип метонимических отношений «конкретное вместо абстрактного») в качестве второстепенных маркеров процессов памяти при существительном мнемической семантики *“recollections”* и темпоральном прилагательном *“last”*, эксплицитно маркирующих процесс восстановления информации из памяти на лексическом уровне. Номинируя условное хранилище воспоминаний, лексики *“heart”* и *“mind”*, однако, не манифестируют конкретных мнемических процессов, а служат, скорее, общим маркером вербализации результатов мнемической деятельности субъекта.

Аналогичное поведение демонстрируют все лексики, входящие в данную тематическую группу, в нашей выборке: глагольные единицы, включаясь в общий контекст, дополнительно маркируют тот или иной мнемический процесс, тогда как имена существительные указывают на вербальное представление индивидуальной памяти в целом, не специфицируя отдельные операции.

В рамках тематической группы лексических единиц со значением чувственного восприятия, участвующих в вербальном кодировании процессов в качестве вспомогательных элементов, также можно выделить две подгруппы:

- глаголы чувственного восприятия (например, *to feel, to see, to look*),
- существительные, описывающие абстрактные образы, доступные субъекту в результате чувственного восприятия окружающего мира (например, *image, picture*).

Пример (3) иллюстрирует употребление глагола зрительного восприятия *“to see”* в качестве дополнительного маркера процесса извлечения информации из памяти. Представленный фрагмент – часть большого нарратива личного опыта, субъект которого делится с читателями воспоминаниями о годах фашистской

оккупации. Рассматриваемая лексическая единица не номинирует процесс воспроизведения из памяти напрямую, однако, описывая события, восстанавливаемые нарратором из памяти, как поддающиеся визуализации, акцентирует внимание на их живости и постоянном присутствии в памяти носителя мнемического опыта. Соответствующий контекст, способствующий актуализации данного значения, на лексическом уровне создается глагольной коллокацией “*have a memory*”, которая на небольшом текстовом отрезке повторяется трижды с различными определяющими словами перед ключевым существительным. На морфологическом уровне сигналами мнемического повествования, указывающими на временной разрыв между описываемыми событиями и моментом воспоминания о них, выступают темпоральные адвербиалы “*still*” и “*now*”.

(3) *I have such a strong memory of everything that happened in the bunker for the 18 months we were there. I can still see every detail if I close my eyes. But I have little memory of the rest of that day. I don't know how we survived for so long without air. I know we prayed. We must have prayed. If there was conversation, I have no memory of it. If there were tears I didn't hear them. If the children cried, I couldn't tell you now. Some time later that day, we heard banging coming from somewhere outside the house and Beck's voice telling us we could come out. To this day my heart is filled with love and grief in equal parts for my sister Mania. (Kramer C. Clara's War. One Girl's Story of Survival. – Ebook, 2009. – P. 157–158).*

В следующем примере лексема “*image*” функционирует как квазисиноним “*memories*” и под воздействием контекста приобретает значение «визуализированного личного опыта». Подобно другим существительным данной тематической группы рассматриваемая лексическая единица в данном фрагменте не манифестирует определенный мнемический процесс, но развивает значение, ассоциированное с памятью как репозиторием личного опыта в целом.

(4) *I'm trying to remember last night as hard as I can – but all that's coming into my head is stupid stuff. Old memories and images from the past, flashing by in random order, like some kind of iPod shuffle in my brain. Sunflowers waving against a blue sky... (Kinsella S. Remember Me?. – New York: Dial Press, 2008. – P. 12)*

Тематическая группа движения представлена глаголами, обозначающими перемещение в пространстве, в том числе глаголами, описывающими произвольные и непроизвольные перемещения объекта в пространстве относительно некоторого ориентира или независимо от других стационарных объектов. Самыми многочисленными в данной группе являются глаголы обратного движения, представляющие некоторое действие как возвращающееся в исходную точку. Например, в следующих фрагментах (5) и (6) процесс извлечения информации из памяти дополнительно кодируется глаголами обратного движения “*to flood back*” и “*to come back*” при эксплицитных лексических маркерах памяти “*flashbacks*”, “*memories*” и “*to remember*” соответственно. При этом в обоих случаях данный процесс описывается как неподконтрольный субъекту, проте-

кающий против его желания и без каких-либо стимулирующих действий с его стороны. Более того, глагол “*to flood back*”, указывающий на выход некоторого действия за общепринятые пределы, дополнительно характеризует воспоминание как процесс высокой степени интенсивности.

(5) *As a police officer, you see tough things. I started to have flashbacks to certain incidents I had encountered. I would feel sick as some memories **flooded back**. At other times I would feel an overwhelming sense of despair, feeling that life was just not worth it (Phillips A. ‘You see tough things as a police officer. I felt such as memories flooded back.’ // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/voluntary-sector-network/2016/nov/05/police-officer-post-traumatic-stress-disorder-mental-health-mind>).*

(6) *“Well, it suddenly **came back** to me. I remembered seeing him in the pub at the time and thinking he looked suspicious” (Kinsella S. Twenties Girl. – URL: <http://ebook30.com/novel/novel/105032/twenties-girl.html>).*

Дополнительными лексическими маркерами непроизвольного воспоминания также выступают глаголы со значением возникновения, обнаружения («эмергенциальные глаголы» в терминологии Д.В. Руднева [17]) и глаголы со значением преследования, вторжения. Примеры (7–10) ниже иллюстрируют употребление глаголов данных семантических групп в МС восстановления информации из памяти. Во фрагментах (7) и (8) рассматриваемые лексические единицы актуализируют свое основное эмергенциальное значение, которое под воздействием контекста модифицируется, наделяя глагол потенциалом относительно манифестации воспоминания.

(7) *I close my eyes as painful memories start **resurfacing**. It was such a shock. He dumped me by email. By email (Kinsella S. Twenties Girl. – URL: <http://ebook30.com/novel/novel/105032/twenties-girl.html>).*

(8) *I want through two of the hardest things in my life over the past 4 years – my father was sick for three years and then died, and my husband left me. I get a lot of “memories” **popping up** that have to do with both and would really like to turn them off. They make me really sad. for example – I had a memory pop up yesterday from 5 Years ago – that said “before I die I would like to travel the world with Mark” who is my former husband who left me. I can’t even tell you how this caught me off guard and started a flood of emotion. It is really cruel to not be able to turn these off (Hay M. “Memories” are popping up sad triggers from death/divorce. How do I turn off? – URL: <https://www.facebook.com/help/community/question/?id=10101248054001967>).*

Во фрагментах (9) и (10) помимо лексических единиц мнемической семантики (“*memory*” и “*memories*” соответственно) процесс извлечения информации из памяти маркируется глаголами со значением преследования, вторжения. Модификация системного значения глаголов данной семантической группы под воздействием контекстуальных условий становится возможной,

в первую очередь, потому, что они, как отмечает Ю.И. Гурова, подобно другим транслекативным глаголам английского языка, «являются глаголами широкой семантики» [18]. Приобретая дополнительное значение в контексте МС восстановления ситуации из памяти, глаголы преследования и вторжения не только участвуют в номинировании процесса восстановления информации из памяти, но и характеризуют этот процесс как непроизвольный и нежелательный. Более того, в отличие от других лексических единиц данной тематической группы глаголы преследования и вторжения передают личное отношение субъекта, однозначно оценивающего непроизвольное воспоминание как явление негативное из-за его внезапности и неподконтрольности.

(9) *From the sound of their voices I knew they were not far from the church where Mania had been captured. Her memory **intruded** on almost all my thoughts* (Kramer C. *Clara's War. One Girl's Story of Survival*. – Ebook, 2009. – P. 215).

(10) *Certain memories **haunt** me and I consider them due punishment: trays of supper coming round in the afternoon once relatives have left; the Dad's Army theme tune drifting down the deserted corridors. Christmas day, when gifts are distributed (one per person) and you don't know which is worse – ignoring the event, or pretending to celebrate in a place that emphatically isn't home* (Smith L. *I never wanted my parents to go into a care home – then I had to face reality // The Guardian*. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2013/may/18/never-wanted-parents-in-care-home>).

В отличие от конститuentов тематических групп ментальных процессов и чувственного восприятия отдельные глагольные лексемы в составе тематической группы движения участвуют также в маркировании процесса утраты информации из памяти. В частности, речь идет о глаголах немемической семантики со значением ухода, удаления, или глаголах «покидания» в терминологии Н.Г. Брагиной [19]. Как правило, в данную подгруппу входят глаголы с послелогом “*away*” и “*off*”, указывающими на движение в направлении от условного ориентира посредством действия, выраженного глаголом. Так, в примерах (11) и (12) глаголы “*to melt*” и “*to fade*” в сочетании с послелогом “*away*” подчеркивают непроизвольный характер забывания, тогда как существительное немемической семантики “*memories*” маркирует обращение субъекта к опыту памяти.

(11) *My **memories** of Sadie would **melt away**. My life would feel normal* (Kinsella S. *Twenties Girl*. – URL: <http://ebook30.com/novel/novel/105032/twenties-girl.html>).

(12) *After this, I have very few **memories** of Honza. He just seemed to **fade away**. I was keeping a diary, and the next time it mentions him is when Andela tells me she has fallen in love with Isaac, another Anglickina Express teacher. “Honza? Pah! Over.” But I'm jumping ahead* (Litt T. *Once upon a life: Toby Litt / T. Litt. The Guardian*. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2010/may/23/toby-litt-prague-english-teacher>).

Таким образом, тематическая подгруппа движения, единственная среди рассматриваемых групп представленная исключительно глагольными конституентами, принимает участие в вербальном кодировании двух процессов памяти – забывания и воспоминания, причем семантика глагольных единиц, образующих группу, позволяет конкретизировать характер протекания указанных процессов как произвольный или непроизвольный, а в отдельных случаях выразить личную оценку субъекта мнемической ситуации относительно желательности и уместности названных процессов.

Наконец, последняя из зарегистрированных в нашей выборке тематическая группа, конституенты которой под воздействием контекстуальных условий способны приобретать значения, ассоциированные с памятью и ее процессами, представлена лексическими единицами со значением прошлого опыта. В отличие от тематических групп ментальных процессов, чувственного восприятия и движения, рассмотренных выше, данная группа не имеет в своем составе глагольных единиц. Среди ее конституентов нами были зафиксированы только имена существительные и прилагательные ретроспективной семантики. К ним мы относим, в первую очередь, лексические единицы, эксплицитно указывающие на временную удаленность описываемых событий (например, существительные “*past*”, “*retrospect*”, прилагательные “*old*”, “*early*”, “*last*” и т.п.), а также лексемы со значением временных отрезков, интервалов времени, жизненных периодов (например, “*lifetime*”, “*year*”, “*youth*”).

Как конституенты тематической группы опыта прошлого единицы ретроспективной семантики задействованы в кодировании двух процессов памяти, связанных с мнемической переработкой личного опыта – воспоминания и забывания. Так, в следующем примере обращение субъекта к опыту памяти манифестируется глаголом “*to remember*” и формами прошедшего времени, тогда как лексемы с темпоральным значением (“*time*”, “*retrospect*”, “*years*”) и указывающие на определенный жизненный период (“*childhood*”) являются дополнительным сигналом перехода в режим мнемического повествования.

(13) *I know there was a **time** when things were all right. I went climbing in the hills out back, slid down on paper bags over the gold-colored grass, played in the creek, climbed the cherry tree. I **do not remember** a **childhood** of chaos. Only in **retrospect** would I term it chaotic. <...> It was a world that I, through the keyhole of **years**, watched and reached a small hand out and tried to touch* (Hornbacher M. *Wasted: a memoir of anorexia and bulimia*. – HarperCollins Publishers, Inc., 2005. – P. 17-18).

Как и большинство лексических единиц, входящих в состав тематических групп, рассматриваемых в настоящей работе, конституенты группы опыта прошлого не способны выступать в роли независимых лексических маркеров мнемических процессов, так как их исходная семантика не связана со сферой памяти и ее процессов. На наш взгляд, одной из причин функциональных огра-

ничений данной лексической группы, помимо исходной семантики, является отсутствие среди ее конститuentов глагольных единиц, тогда как процессуальные значения (а память однозначно воспринимается и концептуализируется в языке, в первую очередь, как процесс) передаются глаголом. Таким образом, участвуя в передаче семантики памяти и ее процессов в качестве второстепенных маркеров, лексические единицы тематической группы опыта прошлого более других нуждаются в контекстуальной «поддержке».

Таким образом, приобретая новые значения под воздействием когнитивно-коммуникативного контекста, лексические единицы тематических групп ментальных процессов, чувственного восприятия, движения и прошлого опыта включаются в систему лексико-грамматических средств репрезентации мнемических процессов в качестве дополнительных маркеров, выполняющих вспомогательные функции по отношению к лексическим единицам мнемической семантики, актуализируя их ядерное значение. Возможности лексики, не имеющей системного значения памяти, в отношении манифестации отдельных мнемических процессов представлены в таблице ниже. Существенным отличием данного лексического пласта от других групп лексических единиц в составе лексической системы средств репрезентации процессов памяти является их ограниченный потенциал в отношении номинирования конкретных этапов мнемической цепи, который компенсируется способностью вербального представления мнемической деятельности в целом.

Потенциал лексических единиц немнемической семантики
относительно кодирования мнемических процессов

Тематическая группа лексических единиц	Кодируемый мнемический процесс				
	Помещение информации в память	Хранение информации в памяти	Восстановление информации из памяти	Утрата информации из памяти	Указание на мнемическую деятельность в целом, без конкретизации процесса
<i>Лексемы со значением ментальных процессов и состояний</i>			+		+
<i>Лексемы со значением чувственного восприятия</i>			+		+
<i>Лексемы со значением движения</i>			+	+	
<i>Лексемы со значением прошлого опыта</i>					+

Подводя итог изложенному в настоящей работе, отметим, что несмотря на то, что среди лексики, репрезентирующей процессы памяти, единицы с контекстуальным значением, ассоциированным с памятью, играют роль второго плана

на уровне высказывания, включаясь в общий контекст и взаимодействуя с лексемами мнемической семантики, рассматриваемая лексическая группа выступает одним из ключевых маркеров вербализации мнемической деятельности, так как в отличие от грамматических структур, способных лишь косвенно указывать на связь фактов или действий с когнитивными операциями, лексические единицы всегда эксплицитно кодируют мнемическое содержание.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 5–26.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
3. Гибатова Г.Ф. Мир мысли в русских предикатах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 182–192.
4. Дмитриевская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 78–85.
5. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 91–95.
6. Зализняк А.А. Память и забвение в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] // Материалы Второй Междунар. конф. по когнитивной науке; 9–13 июня 2006 г. – СПб., 2006. – Т. 2. – С. 275–276. – URL: <http://www.cogsci.ru/cogsci06/thesis.htm> (дата обращения: 05.07.2012).
7. Куприева И.А. Концептуальные основания формирования значения лексики, номинирующей психические процессы в современном английском дискурсе // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 10 (138). – С. 24–31.
8. Ким Ен Ок. Модально-предикативная организация предикатного актанта в предложениях с глаголами памяти в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1997.
9. Омельченко С.Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Урал. гос. ун-та. – 2004. – № 31. – С. 217–229.
10. Омельченко С.Р. Глагольная репрезентация языковой ментальности // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 192–203.
11. Павлова А.А. Концептосфера внутрисемейных родословных: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004.
12. Голайденко Л.Н. Прилагательные со значением памяти / воспоминания и их функционирование в художественной прозе // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 8. – С. 205–215.
13. Скоромылова Н.В. Фразеосемантическое поле психических процессов памяти: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
14. Скоробогатова Т.И. Фразеология и историческая память: интериоризация нового знания в лингвистике (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2013.
15. Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация концепта «память/memo» при помощи фразеологических единиц // Перевод и когнитология в XXI веке: материалы

VI Междунар. науч. теорет. конф.; Москва, 25–26 апреля 2013 г. / отв. ред. Л.Л. Нелюбин. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2013. – С. 111–116.

16. Исхакова Р.Ф., Хомякова Е.Г. Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9. – 2009. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 84–89.

17. Руднев Д.В. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX веков: автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2015. – 47 с.

18. Гурова Ю.И. Историко-этимологический генезис глаголов преследования и глаголов ухода от преследования в современном английском языке // Вестник Ленинград. гос. ун-та. – 2010. – Т. 1. – № 2. – С. 116–122.

19. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007.

References

1. Apresian Iu.D. Sistemoobrazuiushchie smysly 'znat' i 'schitat' [System-forming meanings of "znat" and "schitat"]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 5–26.

2. Bulygina T.V. K postroeniiu tipologii predikativ v russkom iazyke [On compiling a typology of predicates in Russian]. *Semanticheskie tipy predikativ*. Moscow, Nauka, 1982, pp. 7–85.

3. Gibatova G.F. Mir mysli v russkikh predikatakh [The thought world in Russian predicates]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2010, no. 124, pp. 182–192.

4. Dmitrovskaia M.A. Filosofii pamiaty [Philosophy of memory]. *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow, 1991, pp. 78–85.

5. Turovskii V.V. Pamiat' v naivnoi kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit' [Memory in the naïve world image]. *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow, 1991, pp. 91–95.

6. Zalznia A.A. Pamiat' i zabvenie v russkoi iazykovoi kartine mira [Memorizing and forgetting in Russian linguistic world image]. *Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii po kognitivnoi nauke; 9–13 iunია 2006 g. Saint Petersburg*, 2006, vol. 2, pp. 275–276. Available at: <http://www.cogsci.ru/cogsci06/thesis.htm> (accessed 05 July 2012).

7. Kuprieva I.A. Kontseptual'nye osnovaniia formirovaniia znachenii leksiki, nominiruiushchei psikhicheskie protsessy v sovremennom angliiskom disкурse [The conceptual base of meaning formation of lexical units nominating mental processes in the contemporary English discourse]. *TSPU Bulletin*, 2013, no. 10(138), pp. 24–31.

8. Kim En Ok. Modal'no-predikativnaia organizatsiia predikatnogo aktanta v predlozheniiakh s glagolami pamiaty v sovremennom angliiskom iazyke [Modal-predicative organization of predicate agent in English sentences with mnemonic verbs]. Ph. D. thesis. Irkutsk, 1997.

9. Omel'chenko S.R. Funktsional'no-semanticheskaia kharakteristika russkikh mental'nykh glagolov [Functional and semantic characteristics of mental verbs in Russian]. *Izvestiia ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 31, pp. 217–229.

10. Omel'chenko S.R. Glagol'naia reprezentatsiia iazykovoi mental'nosti [Representation of language mentality through verbs]. *Vestnik VGU. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2005, no. 1, pp. 192–203.

11. Pavlova A.A. Kontseptosfera vnutrisemeinykh rodoslovnykh [Conceptual sphere of intrafamilial genealogy]. Ph. D. thesis. Belgorod, 2004.
12. Golaidenko L.N. Prilagatel'nye so znacheniem pamiat' / vospominaniia i ikh funktsionirovanie v khudozhestvennoi proze [Adjectives with memory/recollection meaning and their functioning in prose]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 8, pp. 205–215.
13. Skoromyslova N.V. Fraziosemanticheskoe pole psikhicheskikh protsessov pamiat' [Phraseosemantic field of mnemonic processes]. Ph. D. thesis. Moscow, 2003.
14. Skorobogatova T.I. Frazeologiya i istoricheskaya pamiat': interiorizatsiya novogo znaniia v lingvistike (na materiale frantsuzskogo iazyka) [Phraseology and historical memory: Interiorization of new knowledge in linguistics]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Maykop, 2013.
15. Kuz'menko E.L. Verbal'naya prezentatsiya kontsepta "pamiat'/memory" pri pomoshchi frazeologicheskikh edinit [Verbal representation of "pamiat'/memory" concepts by phraseological units]. *Perevod i kognitologiya v XXI veke: materialy VI Mezhdunar. nauch. teoret. konf.; Moskva, 25–26 aprelya 2013 g.* Ed. L.L. Neliubin. Moscow, Moscow Region State University, 2013, pp. 111–116.
16. Iskhakova R.F., Khomiakova E.G. Pamiat' i vospriятие: nekotorye aspekty iazykovoi reprezentatsii [Memory and perception: Some aspects of linguistic representation]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 9*, 2009, iss. 1, part 1, pp. 84–89.
17. Rudnev D.V. Svyaoznnye glagoly v russkom iazyke XVII-XIX vekov [Link Verbs in 17-19th century Russian]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Saint-Petersburg, 2015, 47 p.
18. Gurova Iu.I. Istoriko-etimologicheskii genezis glagolov presledovaniia i glagolov ukhoda ot presledovaniia v sovremennom angliiskom iazyke [Historical and etymological genesis of prosecution verbs and verbs of leaving from prosecution in the contemporary English]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2010, vol. 1, no. 2, pp. 116–122.
19. Bragina N.G. Pamiat' v iazyke i kul'ture [Memory in language and culture]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007.

Сведения об авторе

ТИВЬЯЕВА Ирина Владимировна

e-mail: tivyayeva@yandex.ru

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода, Тульский государственный университет (Тула, Российская Федерация)

About the author

Irina V. TIVYAEVA

e-mail: tivyayeva@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dept. of Linguistics and Translation Studies, Tula State University (Tula, Russian Federation)